

Птицы, безобразные и прекрасные, похожие на оперившихся ящеров, оказывается, отлично переносят холод. До минус двадцати спокойно ходят в открытом загоне, как утверждает владелец орнитологической станции «Аргус» Андрей Голощапов, расположенной поблизости от села Михайловского, куда был сослан Пушкин в годы своей мятежной юности, где служил экскурсоводом Сергей Довлатов в годы своей безалаберной зрелости.

Рефлексы и душа

И Пушкину, и Довлатову понравилось бы, что совсем неподалеку от места их обитания бродят африканские страусы и один австралийский – страус эму, и лебедь с покалеченным крылом, и нежная, как кошка, косуля.

А Пушкин просто был бы счастлив, узнай он, как близко к нему переселились страусы. Он любил подчеркивать свое африканское происхождение и с удовольствием описывал, как его прадедущка устроил фейерверк в честь рождения младшего сына и как местные псковские крепостные, и «без того цепеневшие при виде черного барина», перепугались от неслыханного грохота. Неплохая была мысль у царя Петра – черный плантатор и белые невольники!

Но это в скобках... Я – об орнитологической станции «Аргус», расположившейся в деревне Подборье Псковской области Пушкиногорского района. Ее организовали двое – Андрей и Вероника Голощаповы. До 1993 года они работали на государственной орнитологической станции «Чок Пак» в Казахстане. В 1993 году в связи с издержками роста национальной демократии перебрались в Псковскую область.

Андрей Голощапов вспоминает: «В Казахстане была великолепная

орнитологическая станция, гораздо лучше, чем та, что на Куршской косе. В год мы там вылавливали и кольцевали до 70 тыс. птиц. Теперь все разъехались. Нет, остался соколиный парк. Разводят соколов и продают арабам, устраивают аттракционы. Соколы охотятся за лисьими хвостами, ловят рыбу, пикируют с высоты в бассейн, взлетают вверх с добычей в когтях, вся публика обрызгана с ног до головы, но счастлива...» Пускать публику на свою орнитологическую станцию Андрей и Вероника стали недавно, с прошлого года. Экзотический птичник они устроили для себя.

Во дворе прогуливается эму по кличке Кузя. Он немного выше человеческого роста. Его можно погладить по перьям (чуть не написал – по крупу), покормить с рук. Он – самый главный среди птиц, слегка притесняет новичков. Куры, петухи, индюк, лебедь, утки, цесарки спешат посторониться, если оказываются на Кузином пути.

Вероника Голощапова рассказывает: «Конечно, мозг у страуса меньше грецкого ореха, у него глазное яблоко больше, чем мозг. Примитивное, должно быть, создание. Но как-то пришлось эму загнать в гараж, так он после этого три дня нас игнорировал. То есть не все построено на рефлексах, даже у животных есть что-то помимо рефлексов – душа не душа, но что-то вроде. Кое-что даже страусы понимают прекрасно...»

Страусы...

Двенадцать африканских страусов – огромных, длинношеих, голенастых – расположились в загоне. Рядом – хлев, в котором страусы зимуют. Пять черноперых самцов и семь сероперых самок. Самцы значительно ниже. «Если самец будет больше самки, – пояснили нам, – как же он ее топтать будет? Он ее сломает. Был у нас тяжеленный индюк, так он всех индеек буквально передавил...»

Глаза у страусов огромные, черные, круглые, словно агаты, в них

застыло одно желание – пожрать. Перегнувшись через барьер, страус попытался съесть мою фуражку, потом пощипал лямки рюкзака и в конце концов удовлетворился хлебом. Наверное, в связи с этим я поинтересовался, а каковы на вкус сами страусы. «Ну, – объяснил Андрей Голощапов, – мы, вообще-то, своих животных не едим, но одного съесть пришлось. самого красивого и бравого. Он умудрился перемахнуть через загородку, поскользнулся, упал и сломал ногу о кормушку. А такие большие животные не могут не двигаться: у них возникают проблемы с пищеварением, пролежни образуются. Его же не подвинуть, не переложить – центнер. Пришлось съесть. Жене не понравилось мясо. Это – как молодая говядина. Не телятина, такая, знаете, безвкусная, мягкая, а настоящее, хорошее мясо, где мускулы уже формируются...»

...и утки с петухами

По удивительному птичнику бродили удивительные утки – вертикальные, как башни или пингвины. «А это, – заулыбался Андрей Голощапов, – индийские бегуны. Почему порода так названа – не знаю. Из-за походки, наверное. Видите, как они ходят – словно бойцовые петухи, и не просто вертикально, а даже чуть заваливаясь назад. Их мясо не очень вкусное, но потрясающая яйценоскость, как у кур, чуть ли не 350 яиц в год. Впрочем, меня это не особо интересует. В Советском Союзе была установка такая: кур выводить только в расчете на мясо и яйценоскость. Из-за этой голой целесообразности были потеряны породы. Это же красивые, необычные птицы, все равно как здания. Мы же здания ценим не только за то, что в них можно жить, но и за красоту, правда?

Странно получается: охраняют какую-нибудь бетонную или каменную коробку – это наше наследие, а орловская порода кур – разве не наше наследие? Да к тому же наследие живое. Орловские петухи были выведены для боев. Сейчас петушиные бои запрещены, но порода-то все равно красива, вне какой-либо целесообразности». Верно, бойцовые петухи на редкость красивы. Широкоплечие, прямостоящие, с каким-то встопорщенным воротником из перьев вокруг шеи – настоящее произведение искусства. Но особенно замечательна красная полоска кожи

от горла до хвоста ровно посередине тела. Когда петух расправляет крылья, полоска разъезжается, становится шире – будто неистовый драчун разорвал на себе рубаху от горла до пупа и ниже: «Всех убью! Один останусь!»

Экзотика

«Я хотел бы собирать местных необычных птиц, – говорит Андрей Голощапов, – ястребов, глухарей. Глухарь невероятно красив. Видите, я привез недавно лофофора, одного из самых красивых фазанов. Но глухарь не хуже этого красавца, уверяю вас... Пока из местных животных мы собираем только травмированных. Нам принесли лебедя, который не улетел на зиму. Оказалось, что у него под крылом гематома – то ли случайно дробью пальнули, то ли пытались подстрелить. Черный аист в капкан попал, нога повреждена. Косулю принесли весной охотники в кровавом мешке. Сказали, что маму загрызли собаки и остался двухмесячный детеныш. Взяли.

Канюк, сарыч, видите, в клетке сидит, похож на ястреба, но это не ястреб. Он – морально травмированный. Его птенцом глупые охотники взяли из гнезда, хотели натаскать на дичь. Учили, учили – ничего не получилось, по той простой причине, что канюк охотится только на мышей. Принесли его ко мне, я объяснил им их ошибку. А у хищных птиц такая особенность: если их вовремя не научить охотиться, сами они уже не смогут научиться. Наверное, и у людей так же... Мы оставили канюка у себя: на свободе он просто погибнет.

Был еще лисенок. Но он подрос и ушел. Видно, ему неловко стало жить в птичнике, а давить своих же приятелей – еще неловчее, вот и ушел. Случалось, животные у нас убегали. Один фазан целую зиму провел в лесу. Весной вернулся жениться. Его поймали дочка с бабушкой – сетку через забор кинули. Эму как-то продавил загородку и ушел в поселок. Бродил по улицам, его узнавали. Потом он к цыганам забрел, они к нам пришли,

попросили забрать птицу...»

Обстановка

На орнитологической станции сейчас работают четыре человека: Андрей и Вероника и их дочери, Полина и Оксана. «Иногда, – улыбаясь, говорит Андрей, – нанимаем работника, но, как правило, после двух или трех месяцев он уходит». Орнитологическая станция поделена надвое заборчиком. Сад, дом и собственно птичник с загонem для африканских страусов. В саду в клетке сидит маленький петушок, голландский белохохлик.

«Он никуда не убежит и убегать не собирается, – объясняет Андрей. – У него, видимо, из-за этого хохолка со зрением проблемы или координация нарушена. У нас было немало таких белохохликов, всех ястреб потаскал. Последнего посадили в клетку для его же безопасности». В клетках у Голощаповых сидят фазаны и павлины, морально травмированный канюк и травмированный аист. По двору опрометью носятся пушистые кролики, порой вбегают к африканским страусам – и назад на травку.

Я поинтересовался, могут ли страусы перепрыгнуть через загородку. «Нет, им трудно это сделать, но продавить могут, если сильно испугаются. Разбегутся и вышибут деревянные. Они раньше очень пугались монопланов. Это такие летающие приспособления для охоты. Парашют, под парашютом человек вроде Карлсона – на пузе кнопка, на спине пропеллер. Гремит он отчаянно. Я попросил над нами не летать. Не летают. Понимаете, у человека для охоты сейчас столько приспособлений. Заблудиться в лесу охотнику невозможно, имеются такие приборы: нажал на кнопку – и вышел по реверсу на ту же тропку, а у зверей – только глаза, уши и нос».

www.expert.ru